

Милежик Алексей Викторович

кандидат исторических наук,
начальник кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного
юридического института МВД России

Коровников Павел Владимирович

старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного
юридического института МВД России

**БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ
В 1920-Е ГГ.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР****Аннотация:**

В статье представлен анализ работ по борьбе с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920-е гг., обобщаются основные направления исследования проблемы в отечественной и зарубежной историографии, дается общая характеристика работ дальневосточных исследователей. Авторы приходят к выводу, что отдельные аспекты противодействия бандитизму и протестным выступлениям в 1920-х гг. нашли отражение в целом ряде публикаций. Однако сам процесс борьбы правоохранительных органов с политическим и уголовным бандитизмом, создававшим угрозу для населения и препятствовавшим восстановлению экономики региона, рассмотрен фрагментарно. В рамках дальнейшего изучения требуются осмысление исторического опыта противодействия бандитизму как специфической форме организованной преступности, научный анализ и критический подход к оценке имеющихся исследований.

Ключевые слова:

бандитизм, Дальний Восток, историография, перспективы изучения, научные исследования.

Milezhik Aleksey Viktorovich

PhD in History,
Head of the Humanities Department, Vladivostok
branch, Far Eastern Institute of Law of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

Korovnikov Pavel Vladimirovich

Senior Lecturer,
Humanities Department,
Vladivostok branch, Far Eastern Institute of Law of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

**THE FIGHT AGAINST BANDITRY
IN THE RUSSIAN FAR EAST
IN THE 1920S:
A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW****Summary:**

The paper analyzes the research into combating banditry in the Russian Far East in the 1920s, summarizes the scope of the study on this issue in Russian and international historiography, and generalizes the works of Far Eastern researchers. The authors conclude that several aspects of countering banditry and revolts in the 1920s are reflected in a number of publications. However, the fight of law enforcement agencies with political and criminal banditry having posed a serious threat to the population and impeded the economic recovery of the region has not been treated in much detail. Scientific analysis, critical approach, and further research on the subject matter are required to understand the historical experience of combating banditry as a specific form of organized crime.

Keywords:

banditry, Far East, historiography, prospects for study, research.

Одним из глобальных цивилизационных вызовов государству как общественному институту выступают организованные формы преступности. Отрицание сложившихся правовых норм и общественных институтов в сочетании с претензией на контроль экономических и политических процессов становится реальной угрозой не только нормальному функционированию, но и существованию государственных институтов. Подтверждением данного факта является признание противодействия организованной преступности одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [1].

Наиболее социально опасной формой организованных преступных посягательств является бандитизм, который современное уголовное законодательство Российской Федерации (ст. 209 УК РФ) воспринимает как вид особо тяжкого корыстно-насильственного преступления, сопряженный с совершением опасных вооруженных нападений на организации или граждан.

Понятие «бандитизм» стало общеупотребительным термином, которым характеризовалось наиболее опасное проявление уголовной преступности, только в начале XX в. До этого времени, говоря о дерзкой групповой уголовщине, любое из объединений преступников обычно называли шайкой (реже – ватагой), а в послереволюционное время активно использовался новый обиходно-словесный штамп – «банда». В то же время для признания вооруженной группы лиц бандой должны быть определенные признаки, а именно: устойчивая сплоченная деятельность в ходе подготовки одного или нескольких нападений, вооруженность и специальная цель [2, с. 116].

Впервые о бандитизме как преступлении (без раскрытия содержания понятия) упоминается в Декрете СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. «О суде». В дальнейшем понятие бандитизма было определено Декретом ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении». Под бандитизмом там понималось «участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки». Уместно отметить, что криминализация факта участия в формировании безотносительно к реально совершенным деяниям позволяет говорить о политическом характере данной нормы.

Данная тенденция получила дальнейшее развитие в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Так, статья 76, определяющая бандитизм, прямо отнесена к государственным преступлениям. За бандитизм предусматривалось наказание в виде расстрела с конфискацией всего имущества.

Безусловно, логика законодателя обусловлена историческим контекстом революционной эпохи. Так, исследователи В.С. Прохоров и И.И. Солодкин считали, что в этот период бандитизм «тесно смыкался с прямыми контрреволюционными выступлениями» [3]. Аналогичной точки зрения придерживался А.А. Пионтковский, по мнению которого бандитизм в годы Гражданской войны носил явно выраженный контрреволюционный характер. В качестве примера он приводил факты вооруженных нападений бандитских шайок махновцев, петлюровцев и других враждебных советской власти элементов на государственные учреждения и отдельных граждан [4].

По мнению Т.Д. Устиновой, в 1920-е гг. «бандитизм в значительной степени был связан с действиями контрреволюционеров, которые путем грабежей и убийств населения пытались опровергнуть советский строй и привести его к ослаблению и в конечном итоге к падению» [5]. С.В. Дьяков отмечал, что острота классовых борьбы после революционных событий 1917 г. обусловила широкий размах контрреволюционных преступлений [6]. В своей работе он анализирует уголовно-правовой и криминологический аспекты преступлений против основ безопасности и государственного строя.

Контрреволюционный характер банд, действовавших в 1920-е гг., отмечают и другие исследователи. Так, в основу книги Д.Л. Голинкова, в прошлом чекиста, следователя по особо важным делам прокуратуры, положены многочисленные документальные источники, следственные и судебные материалы ВЧК – ГПУ. Рассказывается о героической и самоотверженной работе чекистов с бандформированиями на территории Советской России, на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Средней Азии [7].

В работах С.В. Жильцова наряду с анализом причин введения и отмены смертной казни в первые годы советской власти в рамках трансформации целей и задач государственной политики акцентируется внимание на применении смертной казни за бандитизм [8]. Автор выделил четыре группы преступлений, за которые назначалась смертная казнь. Это вооруженные восстания против советской власти и связанное с этим активное противодействие (бандитизм, антисоветская агитация и укрывательство вооруженных крестьян); должностные и воинские преступления; уголовные преступления – разбой, грабеж, убийство, кражи; дезертирство. К расстрелу обычно осуждались по совокупности преступлений. Например, дезертирующий красноармеец чаще всего вступал в шайку преступников или в банду, воюющую против советской власти, и совершал уголовные преступления – убийства, разбой, грабежи.

В исследованиях К.А. Краснова, М.А. Волкова, А.Л. Кубасова и др. рассматриваются исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России. Исследователями отмечается высокая степень общественно опасного характера бандитизма и латентности совершения данного преступления. Значительная общественная опасность бандитизма проявляется в высокой степени организации членов банды, причастности к преступной деятельности значительного числа лиц, а также, как правило, нацеленности на совершение многочисленных бандитских нападений [9].

Ряд научных работ посвящен изучению бандитизма на основе анализа криминальной ситуации в различных регионах страны [10]. Дается общая характеристика видов бандитизма, анализируются особенности репрессивной политики в отношении крестьянства, определяется специфика деятельности правоохранительных органов по противодействию антигосударственным преступлениям.

Острый накал классового противостояния, давно перешедшего грань любого возможного социального примирения, в сочетании со слабостью и неразвитостью институтов государственной власти, объективно подталкивал законодателя к тому, чтобы увидеть в бандитизме угрозу в первую очередь новому государственному строю и, по сути, самому социалистическому государству, отодвинув корыстную составляющую на второй план.

Вместе с тем политический бандитизм не тождественен общеуголовному [11], что подводит нас к пониманию фактически двойной природы бандитизма 1920-х гг. Трудность изучения поставленной проблемы состоит не только в недостаточной определенности понятия «бандитизм», но и в сложности и многоаспектности самого исследуемого явления.

Данное обстоятельство придает особую актуальность историческому осмыслению деятельности правоохранительных органов по противодействию бандитизму на Дальнем Востоке России. На дальневосточной окраине, как справедливо отмечают В.В. Сонин и Н.А. Шабельникова, бандитизм имел хронический характер уже при царском правительстве, еще более усилившийся после окончания Гражданской войны [12]. На протяжении длительного времени Дальний Восток считался наиболее опасным регионом страны по бандитизму. Бандитизм здесь коренным образом отличался от бандитизма в центральных губерниях страны.

Значительное влияние на уровень бандитизма, по мнению авторов, оказали следующие факторы: 1) близость границы с Китаем, через которую, почти не встречая сопротивления, проходили на территорию региона шайки хунхузов; 2) социальный состав дальневосточного населения, значительная часть которого – бывшие ссыльные и каторжане (оставшиеся в крае после отбывания срока наказания, они не порвали со своим уголовным прошлым); 3) характер промыслов края с сильно развитой золотопромышленностью и контрабандой; 4) низкая плотность населения при громадной незаселенной площади, покрытой труднопроходимыми лесами, дающими убежища скрывающимся бандам; 5) сочувствие части крестьянства и казачества определенным группировкам бандитов, носившим в основном политический характер [13, с. 116].

Вместе с тем феномен дальневосточного бандитизма, по сути, только становится предметом научного изучения.

До конца 1950-х гг. ограничение допуска к архивным документам фактически исключало широкое исследование вопросов противодействия бандформированиям.

В 1960–1980-х гг. появляются научные исследования по истории органов внутренних дел С.В. Биленко, М.И. Еропкина, Р.С. Мулукаева и др. [14], коллективные труды: «История советской милиции» в двух томах и «Советская милиция: история и современность (1917–1987 гг.)» [15]. Несмотря на то что предметом данных работ является в первую очередь процесс формирования и развития органов милиции, исследования дают определенное представление о формах и состоянии борьбы с организованными формами преступных посягательств.

Современный (с начала 1990-х гг. по настоящее время) этап исследования проблемы характеризуется в первую очередь большей доступностью архивной и статистической документации. Рассекречивание архивов НКВД (МВД) и статистическая информация Главного информационно-аналитического центра МВД России дают возможность осуществлять исторические исследования противодействия организованной преступности и бандитизму. Так, изучению проблемы борьбы органов государственной безопасности с бандитизмом на Дальнем Востоке России посвящена работа А.Ю. Грекова [16]. В ней отражены особенности проявления бандитизма в постреволюционное время и последующая его трансформация. Анализируются политико-правовые акты советской власти в сфере борьбы с бандитизмом. Раскрывается правовой статус правоохранительных органов, непосредственно осуществлявших государственно-правовую политику по борьбе с бандитизмом, дается оценка формам и методам их деятельности.

Широкий круг источников для освещения опыта борьбы с бандформированиями привлечен Н.А. Шабельниковой, в трудах которой исследуется феномен дальневосточного бандитизма, вскрыт его рецидивный характер [17]. Изучаются криминологические предпосылки преступлений данного вида, такие как высокий уровень безработицы, кризис промышленности и сельского хозяйства региона в сочетании с постоянно действовавшими золотыми приисками и незаконной добычей золота. Исследованы формы и методы деятельности органов милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Анализируется исторический опыт противодействия антигосударственным преступлениям на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. [18].

Значительный научный интерес представляет работа А.А. Гладких, в которой автор характеризует различные виды политического и уголовного бандитизма на Дальнем Востоке России в 1920–1926 гг., изучает методы борьбы, анализирует деятельность органов власти, госбезопасности, органов милиции и уголовного розыска, армии, сил самообороны и отрядов особого назначения по борьбе с бандитизмом [19].

Особое внимание уделяется изучению хунхузничества. Хунхузы (кит. краснобородые) – это члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во второй половине XIX – первой половине XX в. На дальневосточной территории России под хунхузами подразумевались исключительно этнические китайцы, составлявшие большинство членов хунхузских шайк.

Истории происхождения хунхузничества, которое являлось этническим типом дальневосточного бандитизма, посвящена работа Д.В. Ершова [20]. Влияние хунхузничества на деятельность Китайско-Восточной железной дороги в 1920–1930-е гг. рассмотрено в исследовании С.Ю. Яхимовича [21].

Социальные аспекты формирования бандитизма и логика его взаимоотношения с крестьянским населением Дальневосточного края нашли отражение в работе А.А. Киреева [22]. Так, одной из острых проблем в жизни советского Приморья 1920-х – начала 1930-х гг. была проблема политического бандитизма. Автор предложил классификацию политических банд, основанием для которой стала этнополитическая принадлежность их организаторов: 1) внешние эмигрантские – банды, созданные находившимися в Маньчжурии белогвардейскими и белоказацкими организациями и объединениями; 2) внешние иностранные – банды, образованные китайскими жителями Маньчжурии, в том числе на базе подразделений армии Чжан Цзолина; 3) внутренние иноэтнические – бандформирования, организованные китайцами и корейцами, постоянно проживавшими на территории Приморья; 4) внутренние восточнославянские – банды, созданные лицами из восточнославянского, прежде всего сельского населения Приморья.

Связь организованных форм криминальных формирований и наркобизнеса исследована П.П. Худяковым [23]. Обращается внимание на то, что высокая степень общественной опасности бандитизма во многом определяется вооруженностью участников банды, которые могут в любой момент применить это оружие в отношении одного или нескольких человек. Следовательно, под угрозу ставится жизнь одного или нескольких человек, что вызывает повышенную опасность для общества [24, с. 116].

Оперативная обстановка и деятельность органов безопасности по противодействию бандформированиям, действовавшим на Дальнем Востоке, рассматриваются в исследовании А.М. Буюкова и О.В. Шинина [25]. Изучаются условия формирования бандгрупп, определяются сущность и специфика бандитизма. Авторы отмечают высокую степень организованности банд, постоянство форм и методов преступной деятельности, наличие прочных связей между ее членами. Нападение членов банды характеризуется открытостью, протяженностью во времени, созданием непосредственной угрозы применения насилия, которое может быть как физическим (ограничения свободы, побои, вред здоровью различной степени тяжести, убийства и т. д.), так и психическим (предполагающим угрозу немедленного применения насилия), а также выражается в уничтожении движимого и недвижимого имущества.

Феномен бандитизма в контексте анализа организованной преступности в России рассматривается в работах зарубежных исследователей. В трудах С. Шинара, Дж.Л. Альбини, Р.Е. Роджерса и др. выявляются тенденции, позволившие представителям криминалитета получить возможность оказывать воздействие на экономическую и политическую жизнь российского общества [26]. Раскрываются теоретические вопросы совершенствования борьбы с организованной преступностью.

Таким образом, историография борьбы с бандитизмом в 1920-е гг. имеет свои особенности, во многом обусловленные спецификой этой деятельности. Во-первых, она состоит в том, что бандитизм был неоднороден. Нередко банды имели не только уголовный или политический характер, но смешанный, уголовно-политический. Борьба с различными видами бандитизма, как следует из трудов ученых, не была прерогативой какой-либо одной структуры. Несмотря на главенствующую роль органов ВЧК – ГПУ – ОГПУ, в зависимости от конкретных обстоятельств противодействие бандитизму оказывали и другие правоохранительные органы: милиция, уголовный розыск, части особого назначения (ЧОН) и части Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Во-вторых, в компетенцию правоохранительных органов входило предупреждение и подавление антигосударственных преступлений. Этими особенностями и была обусловлена тематика исследований по избранной теме.

Таким образом, мы приходим к выводу, что отдельные аспекты противодействия бандитизму и протестным выступлениям в 1920-е гг. нашли отражение в целом ряде публикаций. Однако сам процесс борьбы правоохранительных органов с политическим и уголовным бандитизмом, создававшим угрозу для населения и препятствовавшим восстановлению экономики региона, рассмотрен фрагментарно. В рамках дальнейшего изучения требуются осмысление исторического опыта противодействия бандитизму как специфической формы организованной преступности, научный анализ и критический подход к оценке имеющихся исследований.

Ссылки:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. : указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. П. 10, 37, 48 // СЗ РФ. 2009. № 20. 18 мая. Ст. 2444.
2. Шабельникова Н.А. Особенности борьбы с хунхузничеством как особым видом бандитизма в Дальневосточном регионе России в 1920-е гг. // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2013. № 2 (35). С. 115–123.
3. Прохоров В.С., Солодкин И.И. Курс уголовного права. Часть Особенная. Л., 1973. 336 с.
4. Курс советского уголовного права : в 6 т. Т. 4. М., 1970. 557 с.
5. Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за бандитизм (по новому УК РФ). М., 1997. 192 с.
6. Дьяков С.В. Государственные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства и государственная преступность. М., 1999. 307 с.

7. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 1. М., 1986. 333 с.
8. Жильцов С.В. Политический аспект смертной казни в Советской России периода диктатуры пролетариата (1917–1929 гг.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 1. С. 128–140.
9. Краснова К.А., Волкова М.А. Исторический аспект развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за бандитизм // История государства и права. 2011. № 20. С. 7–11; Кубасов А.Л. Термин «бандитизм» в советской политико-правовой лексике 1918–1924 гг. // Там же. 2012. № 14. С. 23–26; Кузнецова О.А., Нестеров С.В. Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 12 (140). С. 154–161; Максимов П.В. Политизация бандитизма в советских политико-правовых актах периода Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. № 3 (32). С. 162–169; Сальников А.В. Исторический генезис понятий «шайка» и «банда» как разновидностей соучастия особого рода в отечественном законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 99–103; Синельников С.П. «Русская Вандея»: вооруженное сопротивление крестьян советской власти в 1922–1923 гг. (по материалам Царицынской губернии) // Белая гвардия : альманах. № 6. М., 2002. С. 157–162; Тепляков А.Г. Красный бандитизм // Родина. 2000. № 4. С. 81–85.
10. Смирнов Н.Н. «Степные партизаны» Поволжья // Белая гвардия. № 6. М., 2002. С. 164–165; Татаринов С.В. «Красный бандитизм» как порождение последствий Гражданской войны на окраинах Российской империи // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2 (40). С. 219–226; Хохлов А.Г. Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1925 гг. Минск, 1981. 176 с.; Шишкин В.И. Красный бандитизм в Сибири (к вопросу об идейно-политическом характере явления, 1920–1922 годы) // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1992. С. 3–79.
11. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М., 1980. 480 с.
12. Шабельникова Н.А., Сонин В.В. Особенности противодействия бандитизму на Дальнем Востоке России в 1920-е гг.: исторический опыт // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России. 2012. № 1. С. 32–37.
13. Шабельникова Н.А. Особенности борьбы с хунхузничеством ... С. 116.
14. Биленко С.В. Советская милиция на защите социалистического Отечества (1941–1945 гг.). М., 1986. 62 с.; Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве. М., 1967. 87 с.; Мулукаев Р.С., Карташов Н.Н. Милиция России (1917–1993 гг.). Историко-правовой очерк. Орел, 1995. 235 с.
15. История советской милиции : в 2 т. / С.М. Крылов, А.П. Косицын, С.В. Биленко и др. ; под ред. Н.А. Щелокова. М., 1977. Т. 1. 346 с. Т. 2. 340 с. ; Советская милиция: история и современность (1917–1987 гг.) / авт. коллектив: А.П. Косицын, Р.С. Мулукаев, С.В. Биленко и др. ; под ред. А.В. Власова. М., 1987. 336 с.
16. Греков А.Ю. Борьба органов государственной безопасности с бандитизмом на Дальнем Востоке России: 1922–1926 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2011. 200 с.
17. Шабельникова Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. М., 2016. 144 с.
18. Шабельникова Н.А. Противодействие антигосударственным преступлениям на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 70–77.
19. Гладких А.А. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920–1926 гг. // Россия и АТР. 2010. № 1 (67). С. 20–31.
20. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010. 255 с.
21. Яхимович С.Ю. Влияние хунхузничества на деятельность Китайско-Восточной железной дороги (1920–1930-е гг.) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4 (37). С. 82–88.
22. Киреев А.А. Политические банды и крестьяне Приморья 1920–1930 гг. // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 12–18.
23. Худяков П.П. Из истории борьбы с наркоманией на Дальнем Востоке в начале 20-х гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. Т. 2. С. 48–52.
24. Шабельникова Н.А. Особенности борьбы с хунхузничеством ... С. 116.
25. Буюков А.М., Шинин О.В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг. М., 2013. 430 с.
26. Russian Organized Crime: Its History, Structure and Function / J.L. Albini, R.E. Rogers, V. Shabalin, V. Kutushev, V. Moiseev, J. Anderson // Journal of Contemporary Criminal Justice. 1995. Vol. 11, no. 4. P. 213–243. <https://doi.org/10.1007/s12117-997-1126-8>; Shinar C. Organized Crime in Russia // European Review. 2016. Vol. 24, no. 4. P. 631–640. <https://doi.org/10.1017/s1062798716000284>.

References:

- Albini, J.L., Rogers, R.E., Shabalin, V., Kutushev, V., Moiseev, V & Anderson, J 1995, 'Russian Organized Crime: Its History, Structure and Function', *Journal of Contemporary Criminal Justice*, vol. 11, no. 4, pp. 213-243. <https://doi.org/10.1007/s12117-997-1126-8>.
- Bilenko, SV 1986, *Soviet Militia Defending the Socialist Fatherland (1941-1945)*, Moscow, 62 p., (in Russian).
- Buyakov, AM & Shinin, OV 2013, *The Activities of Security Agencies in the Far East in 1922-1941*, Moscow, 430 p., (in Russian).
- Dyakov, SV 1999, *State Crimes against the Foundations of the Constitutional System and the Security of the State and Public Crime*, Moscow, 307 p., (in Russian).
- Eropkin, MI 1967, *The Development of Police in the Soviet State*, Moscow, 87 p., (in Russian).
- Ershov, DV 2010, *Honghuzi: Undeclared War. Ethnic Banditry in the Far East*, Moscow, 255 p., (in Russian).
- Gladkikh, AA 2010, 'The Fight against Banditry in the Russian Far East in 1920-1926', *Rossiya i ATR*, no. 1 (67), pp. 20-31, (in Russian).
- Golinkov, DL 1986, *The Collapse of the Anti-Soviet Underground in the USSR*, vol. 1, Moscow, 333 p., (in Russian).
- Grekov, AYU 2011, *The Fight of State Security Agencies with Banditry in the Russian Far East in 1922-1926*, PhD thesis, Khabarovsk, 200 p., (in Russian).
- Khokhlov, AG 1981, *The Collapse of Anti-Soviet Banditry in Belarus in 1918-1925*, Minsk, 176 p., (in Russian).
- Khudyakov, PP 2001, 'Glimpses of History of Countering Drug Addiction in the Far East in the Early 1920s', *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh*, Blagoveshchensk, vol. 2, pp. 48-52, (in Russian).
- Kireev, AA 2005, 'Political Bands and Peasants of the Primorye in 1920-1930', *Rossiya i ATR*, no. 4, pp. 12-18, (in Russian).
- Kositsyn, AP, Mulukaev, RS, Bilenko, SV (et al.) & Vlasov, AV (ed.) 1987, *Soviet Militia: History and Modernity (1917-1987)*, Moscow, 336 p., (in Russian).
- Krasnova, KA & Volkova, MA 2011, 'The Historical Aspect of the Development of Russian Law on Criminal Liability for

- Banditry', *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 20, pp. 7-11, (in Russian).
- Krylov, SM, Kositsyn, AP, Bilenko, SV (et al.) & Shchelokov, NA (ed.) 1977, *The History of the Soviet Police*, in 2 vols., Moscow, vol. 1, 346 p., vol. 2, 340 p., (in Russian).
- Kubasov, AL 2012, 'The Term 'Banditry' in the Soviet Political and Legal Vocabulary of 1918-1924', *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 14, pp. 23-26, (in Russian).
- Kuznetsova, OA & Nesterov, SV 2014, 'The Historical Aspects of the Emergence and Development of Criminal Liability for Banditry in Russia', *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnyye nauki"*, no. 12 (140), pp. 154-161, (in Russian).
- Maksimov, PV 2016, 'Politicization of Banditry in the Soviet Political and Legal Regulations during the Civil War (1917-1922)', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, no. 3 (32), pp. 162-169, (in Russian).
- Mulukaev, RS & Kartashov, NN 1995, *The Russian Militia (1917-1993). The Historical and Legal Essay*, Orel, 235 p., (in Russian).
- Prokhorov, VS & Solodkin, II 1973, *The Course of Criminal Law. A Special Part*, Leningrad, 336 p., (in Russian).
- Salnikov, AV 2016, 'The Historical Genesis of the Concepts of Gang and Band as a Type of a Special-Kind Complicity in Russian Legislation', *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 7, pp. 99-103, (in Russian).
- Severin, YuD 1980, *Commentary on the Criminal Code of the RSFSR*, Moscow, 480 p., (in Russian).
- Shabelnikova, NA 2013, 'The Aspects of the Fight against Honghuzi as a Special Type of Bandits in the Russian Far East in the 1920s', *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 2 (35), pp. 115-123, (in Russian).
- Shabelnikova, NA 2016a, 'Countering the Anti-State Crimes in the Russian Far East in the 1920s', *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, pp. 70-77, (in Russian).
- Shabelnikova, NA 2016b, *Law Enforcement Activities in Combating Crime in the Russian Far East in the 1920s*, Moscow, 144 p., (in Russian).
- Shabelnikova, NA & Sonin, VV 2012, 'The Aspects of Countering Banditry in the Russian Far East in the 1920s: the Historical Experience', *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke Rossii*, no. 1, pp. 32-37, (in Russian).
- Shinar, C 2016, 'Organized Crime in Russia', *European Review*, vol. 24, no. 4, pp. 631-640. <https://doi.org/10.1017/s1062798716000284>.
- Shishkin, VI 1992, 'Red Banditry in Siberia (Concerning the Ideological and Political Nature of the Phenomenon in 1920-1922)', *Iz proshlogo Sibiri*, Novosibirsk, pp. 3-79, (in Russian).
- Sinelnikov, SP 2002, 'Russian Vendée: the Armed Resistance of the Peasants of the Soviet Power in 1922-1923 (a Case of the Tsaritsyn Province)', *Belaya gvardiya: al'manakh*, no. 6, Moscow, pp. 157-162, (in Russian).
- Smirnov, NN 2002, 'Steppe Partisans of the Volga Region', *Belaya gvardiya*, no. 6, Moscow, pp. 164-165, (in Russian).
- Tatarinov, SV 2013, 'Red Banditry as a Consequence of the Civil War on the Outskirts of the Russian Empire', *Servis v Rossii i za rubezhom*, no. 2 (40), pp. 219-226, (in Russian).
- Tepliyakov, AG 2000, 'Red Banditry', *Rodina*, no. 4, pp. 81-85, (in Russian).
- The Course of the Soviet Criminal Law* 1970, in 6 vols., vol. 4, Moscow, 557 p., (in Russian).
- Ustinova, TD 1997, *Criminal Liability for Banditry (According to the New Criminal Code of the Russian Federation)*, Moscow, 192 p., (in Russian).
- Yakhimovich, SYu 2016, 'The Impact of the Honghuzi on the Chinese Eastern Railway (1920-1930s)', *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 4 (37), pp. 82-88, (in Russian).
- Zhiltsov, SV 2002, 'The Political Aspect of the Death Penalty in Soviet Russia during the Proletarian Dictatorship (1917-1929)', *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, no. 1, pp. 128-140, (in Russian).